

Научная статья

УДК 82-3

doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-37-44

Роман Алексея Иванова «Тени тевтонов» на фоне его прежних произведений

Александр Владимирович Леденев^{1✉}, Мария Сергеевна Руденко²

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»; декан филологического факультета «Совместный университет МГУ-ППИ» в Шэньчжэне (КНР). 517182, No. 1, International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, PRC

²Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». 119991, г. Москва, ул. Колмогорова, д. 1

¹aledenev@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-9069-9369>

²liza_rudenko_1996@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5499-9919>

Аннотация. Новый роман Алексея Иванова «Тени тевтонов» рассмотрен в контексте основных произведений писателя, созданных с начала 1990-х годов. Выдвинут тезис об экспериментальном характере произведения, представляющего собой напечатанный текст аудиоромана. По сравнению с другими книгами Иванова, особенно такими шедеврами, как метафизические «Сердце Пармы» и «Золото бунта» и реалистические «Географ глобус пропил» и «Ненастье», «Тени тевтонов» отличаются отсутствием глубокого психологизма, разработкой приключенческой сюжетки в ущерб философской глубине. В романе также просматривается тенденция к упрощению сложной исторической проблематики, а персонажи соответствуют ставшим привычными историческим «маскам»-типам: трусливый, подлый и корыстный фашист-гауляйтер, «идейный» старый лодман, связанный с древней мистикой, чистая девушка, страдающее гражданское население, ставшее жертвой пропаганды и готовое скорее умереть, чем встретиться лицом к лицу с Советской армией. Узнаваемыми являются образы советских воинов-освободителей, сошедшие со страниц книг и киноэкрана. С другими произведениями Иванова новый роман «Тени тевтонов» роднит отсутствие «хорошей» развязки, «географическое вдохновение», позволяющее создавать запоминающиеся картины природы Восточной Пруссии, ее древних замков и городов, существующих как в XVI веке, так и в первые дни после Победы 1945 года. В статье сделан вывод о том, что новый роман А. Иванова, в отличие от ранних его произведений, – сознательное обращение к стилю и сюжетике «массовой» литературы, необходимым для быстрого коммерческого успеха текста в ущерб его художественному уровню.

Ключевые слова: история, стиль, «высокая» литература, романы Иванова, мистика, сюжет, философия, массовая культура, фэнтези

Для цитирования: Леденев А. В., Руденко М. С. Роман Алексея Иванова «Тени тевтонов» на фоне его прежних произведений // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 37-44. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-37-44>

Original article

Alexei Ivanov's novel «Shadows of the Teutons» against the background of his earlier works

Aleksandr V. Ledenev^{1✉}, Maria S. Rudenko¹

¹Doctor of philological sciences, professor, department of history of contemporary russian literature and contemporary literary process, Lomonosov Moscow state university; dean of the faculty of philology, Shenzhen MSU-BIT University (PRC). 517182, No. 1, International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, PRC

²Candidate of philological sciences, senior lecturer, department of history of modern russian literature and contemporary literary process, Lomonosov Moscow state university. 119991, Moscow, Kolmogorov st., 1

¹aledenev@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-9069-9369>

²liza_rudenko_1996@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5499-9919>

Abstract. Alexey Ivanov's new novel «Shadows of the Teutons» is considered in the context of the writer's main works written since the early 1990s. The authors put forward the thesis about the experimental nature of the book which is a printed text of an audio novel. Compared with the other works by Ivanov, especially such masterpieces as his metaphysical novels «The Heart of Parma» and «The Gold of Rebellion» and the realistic ones like «The Geographer Drank his Globe Away» and «The Rough Weather», «Shadows of the Teutons» differ in a simplified character treatment, lack of deep psychology and development of an adventure story to the detriment of its philosophical depth. In the novel, there is also a tendency to simplify complex historical issues, and the characters correspond to the familiar historical «masks»: a sneaky and mercenary fascist governor, a committed old pilot associated with ancient mysticism, a pure girl, suffering civilian population consisting of people that fell victim to propaganda and are ready to die rather than to face the Soviet army. Recognizable are the images of Soviet soldiers, the liberators that seem to have just stepped out of books or come from movie screens. Ivanov's new novel is related to his other works by the lack of a 'happy ending' and 'geographical inspiration' which allows the author to create memorable scenery of East Prussia, its ancient castles and cities that existed both in the 16th century and in the first days after the Victory of 1945. The article concludes that the new novel by Alexey Ivanov, unlike his early works, is a conscious appeal to the style and plot of 'mass' literature, necessary for the book's rapid commercial success to the detriment of its artistic level.

Key words: history, style, «high» literature, Ivanov's novels, mysticism, plot, philosophy, popular culture, fantasy

For citation: Ledenev A. V., Rudenko M. S. Alexei Ivanov's novel «Shadows of the Teutons» against the background of his earlier works. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2021;(4):37-44. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-37-44>

Введение. Разножанровая и тематически пестрая проза А. Иванова стабильно привлекает внимание литературных критиков и исследователей современного литературного процесса [Абашев, Абашева, 2010; Абашев, Фирсова, 2013; Беляков, 2010; Гончаров, Гончаров, 2019; Зырянов, 2017; Иванова, 2017; Колобаева, 2019; Колобаева, 2020; Куликова, 2020а; Куликова, 2021а; Куликова, 2021б; Куликова, 2020б; Куликова, 2021в; Куликова, 2020в; Лобин, 2012; Погорелая, 2019; Савенкова, 2017; Сироткина, 2018; Сысоева, 2014; Хрящева, Когут, 2013]. Недавно появившийся роман «Тени Тевтонов», с одной стороны, убеждает в устойчивости индивидуального стиля писателя: его проблематика и поэтика вполне коррелируют с содержанием и формой уже признанных писательских удач – романов «Географ глобус пропил», «Ненастье», «Тобол». С другой стороны, в этом романе намечаются и новые стилевые тенденции, которые стоит соотнести с прежней жанрово-тематической практикой автора.

Возможно, не так уж не права критик Г. Юзефович, вспомнившая в связи с новым романом А. Иванова «Тени тевтонов» о гоголевском «Портрете» [Юзефович, 2021]. Писатель продолжает свой творческий эксперимент, создавая каждое следующее произведение в ином жанре, иной стиливой манере. Очевидной является разница между реалистическим «Ненастьем» и вампирским «ужасником» «Пищевом», чёрным юмором романа «Блуда и МУДО» и мистикой «Псоглавцев»... Немалое количество написанного Ивановым позволило бы продолжать сравнения и противопоставления достаточно долго, однако

просматривается некая тенденция, могущая навести на определенные выводы.

После дебютной фантастической «Охоты на Большую Медведицу» Иванов публикует свой роман «Географ глобус пропил». Он обратил на себя внимание читателя тонким психологизмом, реалистически выписанным образом уральского города и его жителей – школьников, учителей, людей самых разных характеров и профессий. Но, наверное, главным достижением молодого писателя был самобытный язык произведения – живой, меткий, современный, остроумный, органично сочетающий городское просторечие, каламбуры, цитаты и реминисценции.

В те же годы, что и печальные «Общага на крови» и «Блуда и МУДО», выходят лучшие содания Иванова, его «Большие книги» – «Золото бунта» и «Сердце Пармы». Вторая вызвала особенно много споров о «национальной идее» в ее историческом и политическом аспектах. К роману «Золото бунта» в целом сформировалось отношение как к захватывающему боевику, где приключения главного героя составляют наибольший интерес, хотя в романе есть и полемика – и с «Капитанской дочкой», и с советской историографией, продолженная в историческом исследовании пугачевской эпохи «Вилы». Основной акцент совершенно справедливо сделан на зверствах пугачевцев; убийства и насилие даны крупным планом, с натуралистическими подробностями. Однако именно в «Золоте бунта» осталась почти не замеченной философская линия, связанная с сектой «истязельцев»: «Сатана за душу сулит сладости, коих от Бога человеку за

грехи не положено: денег сулит, баб, славу, отмщение. И не можем мы без этого уже, понимаешь?... Надо нам того, что выше наших сил, а без этого нам и вовсе ничего не надо!» [Иванов, 2005, с. 393–394]. По мысли раскольников, Бог даёт лишь по силам, а вот сатана помогает в том, что выше сил человеческих, в том, что только и нужно людям. Отдавая крест и заключённую в нем душу истязателям, человек получает право безнаказанно творить бесовскую волю и при этом оставаться чистым. Не это ли вековая мечта грешной, сластолюбивой человеческой души, так виртуозно воплощённая Ивановым в речах сектантов? Кажется, невозможно противиться, нечего противопоставить, но главный герой, молодой сплавщик Осташа все же выбирает иной, пусть и не очень праведный, но свой путь.

В одном из интервью Иванов называет стиль своих ранних романов «барочным» [Иванов, 2021a]. Если рассматривать барокко как прежде всего метафизический стиль, то с писателем можно согласиться. И «Золото бунта», и «Сердце Пармы» – действительно метафизические романы. Реальное, даже натуралистическое искусно сплавлено с мистическим; «золотая баба» влияет на мир тайги-пармы, таинственно выстраивая судьбы людей, мстя за надругательство над святынями; земная девочка, дочка горького пьяницы пермского князька, становится ламией, оборотнем или ведьмой, выжигающей душу князя Михаила. Все переплетено в единый клубок: воля хумляльта Асыки и воля великого князя Московского, камлание шаманов и неистовый религиозный порыв миссионеров, осады, казни, рождения и смерти... В этом своём романе Иванов очевидно продолжает традицию символистского романа Серебряного века, также сплетающего реальное и ирреальное в неповторимую, нерасторжимую вязь.

В то же время Иванов не оставляет темы пугающей и завораживающей провинции девяностых, в «Ненастье» достигая, кажется, предела боли, горя, обличения. На данном этапе это произведение можно назвать последним шедевром Иванова. И снова, помимо сильного сюжета, глубокого психологизма, реалистически выписанных характеров и подробностей, блестяще переданной атмосферы «лихих девяностых» и следующих за ними годов, внимание читателя приковывает к себе язык. Емкий, сильный, грубый. Грубость и мат – подчёркнутый художественный приём: язык адекватен реальности, о такой жизни по-другому и не скажешь.

На этом фоне внимательного читателя не мог не насторожить «Царь», текст, написанный по мотивам сценария кинофильма, снятого Павлом Лунгиным. И если в фильме на первый план выходит игра актеров, прежде всего Янковского и Мамонова, то в книге снова просматривается определенная мистика – это и спасающая святыня, и мистика власти. Но сюжетные линии очередного исторического произведения очевиднее, события и персонажи обретают определенную предсказуемость; загадка словно заранее решена в отличие от более ранних произведений на историческую тему.

«Дэнджерологическая диалогия» – «Псоглавцы» и «Комьюнити» – стала попыткой сплавить мистику и современность. Особенно яркая смесь получилась, на наш взгляд, в «Комьюнити». Подобное соединение практикуется со времён готического романа и достигает вершины в «закатном романе» Булгакова с тем, чтобы сегодня стать достоянием массового жанра «городского фэнтези». Однако Иванов здесь пока ещё остаётся в поле «высокой» литературы, прежде всего благодаря убедительному исследованию типа «героя» или, если угодно, антигероя «нашего времени». Если на роль подобного амбивалентного персонажа ранних девяностых очевидно и по праву «претендует» Виктор Служкин из «Географа...», а поздних девяностых – Герман Неволин, то Глеб Тяженко типичен для периода «сытых нулевых». Он проходит характерный для удачливого представителя общества потребления путь от мальчика из Апатитов до жителя столицы, потратившего жизнь и талант для приобретения определенного лоска и социального уровня, хотя серьезных вершин он так и не достигает: хорошая, но служебная квартира, приличная, но не новая иномарка, одежда не самых люксовых, хотя и популярных брендов. Конечно, «топовый» хозяин «ДиКСи» Гермес находится на высотах, для Глеба недостижимых.

По прошествии ряда лет после выхода романа, а вышел он в 2012, когда никто и не подозревал о том, как близок конец «сытых нулевых» и бытового консьюмеризма, выясняется, что интересен он не запутанной историей смертельно опасного «информационного пузыря» с элементами страшного сна наяву, а как раз психологически убедительным художественным изображением московского социума и его представителей из канувшей в Лету эпохи. Особенно тех, кто явно идёт на смену и Тяженко, и даже Гермесу: зубастых, умных и уже абсолютно бездушных

Орли и Бобсу. Неслучайно именно двойник Бобса и убивает Глеба: это можно считать пророчеством писателя о наступлении нового железного времени.

По сравнению с «Комьюнити» «Псоглавцы» при всем их жестком реализме представляются почти умиротворяющим текстом. Этот роман называли, помимо других определений, «новой деревенской прозой»: действительно, давно погибшая русская деревня нарисована во всей ее неприглядной красе. Из полностью разложившегося социума невозможно даже убежать: догнать удобнее на прежнем месте. А тех, кто все же предпринимает попытку к бегству, ждет страшная расплата. И тем не менее «кинематографические» псоглавцы выглядят вполне домашними, почти уютными в контексте почти немыслимого в творческом мире Иванова хэппи-энда. Охранник новорусского замка чудом оборачивается крутым дэнджерологом, спасающим героев и ставящим все на свои места, красочные погони с использованием экзотической дрезины держат в напряжении, но все заканчивается благополучно для положительных героев; впрочем, загадка современного оборотничества разрешается не более убедительно, чем объяснение феномена интернет-чумы. И вот здесь проявляется интересная тенденция: чем более захватывающим становится текст Иванова, тем меньше места остается для многозначности, метафор, философского осмысления и прочих признаков «высокой» литературы. Именно в «Псоглавцах» автор активно пользуется приемами даже не столько книг, сколько голливудских экранизаций Стивена Кинга, хотя за счёт русского «деревенского текста» роман пока что не пересекает нижней границы качественной беллетристики, если не «высокой» литературы.

А вот монументальный «Тобол» не только не скрывает, но прямо обнажает свою зависимость от кинематографа: как мы помним, сам автор даёт ему жанровое определение «роман-пеплум», хотя экранизация (режиссёр Игорь Зайцев), в отличие от «Царя», оказалась слишком прямолинейной: из нескольких сюжетных линий была оставлена лишь одна, и та упрощенная: фактически был взят лишь эпизод, переложенный на язык кино на уровне и в стилистике сериала, но урезанный до двух серий, то есть с претензией на «полный метр».

Самое важное в романе, если отстраниться от завлекательного сюжета, – очевидный поклон в сторону Д. С. Мережковского, но адаптирован-

ного А. Н. Толстым, и... А. Иванова, адаптированного А. Ивановым. По сравнению с «Сердцем Пармы» натурализма побольше, но как-то он тусклее; язычников и миссионеров тоже много, но мистика развеялась, все стало до обидного реальным: богов-то нет, но и Бога, кажется, тоже. Тайна развеяна, осталась борьба за власть. Таким образом, при всей «густоте замеса», множестве персонажей, приключений, любовных историй, сюжетных линий роман удивительным образом потерял качество историзма, глубину, то самое «подводное течение» или «тройное дно», что так ярко проявлялись в ранних романах. Все фигуры на месте, чтение увлекательное, а «на выходе» – лишь «впечатление», как после шикарной голливудской постановки.

К сожалению, «Пищевлок» обернулся очередным «понижением планки». Богатый материал для художника – все эти пионерские тайны, страшноватые нарядные избушки, гипсовые горнисты, истории времён Гражданской войны и Большого Террора – оказался очень быстро подавлен сюжетом достаточно стандартной «вампира саги», облеченной в советские реалии, но конечно же с погонями, укусами, запертыми дверьми и непереносимой святой водой. Автор следует законам массового жанра вампирского ужастика фактически дословно, и если бы не заслуженный выдающимися произведениями прежних лет интерес ко всему, написанному Ивановым, то роману, скорее всего, скорее всего, суждено было остаться одним из многочисленных опусов массовой литературы на некогда популярную «вампира сагу» тему.

Таков в общих чертах фон, на котором в 2021 году появились «Тени тевтонов» с их совершенно неожиданным в контексте серьезной литературы жанровым форматом аудиоромана (по словам самого Иванова, аудиоверсия появилась раньше, чем бумажная [Токарева, 2021]). Не исключена возможность, что этот роман стал очередным смелым экспериментом маститого автора, ведь слишком трудно поверить, что после сложной вязи ранних романов мы имеем дело с исчерпанностью творческого потенциала, приведшей к написанию несомненного, хотя и качественного текста массовой литературы.

Можно ли отнести «Тени...» к жанру фэнтези? Если исходить из общепринятого представления о том, что фэнтези повествует о непротиворечивом, полностью вымышленном сказочном мире, в то время как научная фантастика «работает» с фантастическим допущением, как бы

вкрапленным в неотличимый от реального мир, то к фэнтези роман имеет мало отношения. По мнению Е. Ковтун, «Fantasy преподносит иной мир как артефакт, вечно длящуюся данность... мгновенно и всеобъемлюще преображает мир. Сбрасывая покров обыденности, fantasy стремится представить вымышленную реальность как истинную, изменённый порядок вещей – как подлинный облик бытия» [Ковтун, 2008, с. 99]. Такого мира в «Тенях...», как известно, нет. А есть сопоставленные по законам массовой литературы два вполне реальных мира – европейского 16 века и мая 1945 года, объединённых фантастической деталью, могущественным артефактом в виде меча по имени Лигуэт. Легенда о мече, на наш взгляд, не слишком убедительна: им отрубают голову Иоанну Предтече, но он не превращается в вариант зомби-анастифонта, его истинный убийца – дочь Иродиады Саломея, судя по Священному Преданию, не остаётся безнаказанной, хотя именно эти качества – способность превращать убитых им в анастифонов и избавлять убийцу от наказания являются основными свойствами Лигуэта. Непроработанной, поверхностной нам представляется и история потери меча дьяволом – Бафометом, и непереносимое условие возвращения – через руки человека, представителя польского рода Кличовских. Совершенно очевидно, что эта сюжетная линия – лишь предлог для изображения красочных боёв за тевтонский Мариенбург и первых дней после Победы на территории бывшей Пруссии, в городке Пиллау, нынешнем Балтийске.

Впрочем, здесь Иванову не изменяет его умение живописать выразительные подробности. Мир тевтонских рыцарей и их противников – поляков, величественные замки и подробности их внутреннего устройства, оружие, одежда, обычаи нарисованы с очевидным знанием дела, хотя и в целом совпадают с общеизвестными представлениями об эпохе. Увы, ничего нового, кроме ряда незнакомых немецких слов, в «тевтонских» фрагментах фактически не содержится. Иванову здесь отказывает его умение создавать необычные, но вполне жизненные характеры. По сравнению с героями ранних романов образы 16 века (и, как мы увидим позже, не только они) тривиальны: брутальный Червонка и доверчивый Рето, связавшийся против воли с темными силами Кличовский, отважные и несгибаемые тевтоны, суккуб Сигельда и даже сам Бафомет словно сошли со страниц знакомых книг.

Не менее тривиальны персонажи 1945 года. И

они в целом соответствуют сегодняшним, в основном сформированным книгами и кинофильмами, представлениям о характерах и поведении людей, переживших войну. Однако узнаваемость не мешает реалистическому изображению грубоватых, прямолинейных Луданной и Перебатова, интеллигентного ленинградца Володи Нечаева, гауляйтера Коха, его адъютанта аристократа фон Дица и несгибаемого «вервольфовца» Людерса. Сама атмосфера пережившего штурм Пиллау, заваленного трупами, разбитыми орудиями, превращённого в развалины, в которых копошатся ещё ничего не понимающие немцы, жестоких путей эвакуации, страха перед победителями, сложной и противоречивой эпохи блестяще передана Ивановым. Следует согласиться с писателем, говорившим о своего рода географическом вдохновении, посетившем его при поездках по территории бывшей Восточной Пруссии: «Я географически влюбчивый человек. Так случилось с Калининградской областью, точнее с польско-немецкой частью Прибалтики. Поездив по бывшей Восточной Пруссии, по владениям Тевтонского ордена, я почувствовал специфику этой земли, ее выразительность и стиль, и мне захотелось об этом написать» [Иванов, 2021a]. Впрочем, такое вдохновение можно назвать одной из характерных для творчества Иванова черт. Оно никогда его не подводит ни в пейзажных зарисовках, ни в рассказе о крупных и мелких поселениях от современных до принадлежащих далекой истории.

Но если леса и другие природные объекты старинной Пруссии нарисованы более чем убедительно, то их обитатели изображены весьма условно. Не в первый раз на страницах произведений Иванова мы встречаемся с образами язычников и нечистой силы. И в «Сердце Пармы», и в «Псоглавцах», и в «Тоболе» (но уже не в упрощённом «Пищевлоке») Иванов погружает нас в атмосферу языческих обрядов, верований, святынь, рисует сложные характеры носителей древних религий, рассказывает о древних сказаниях и мифах в их неразрывной связи с ежедневной жизнью людей. К сожалению, в «Тенях...» подобных картин не найти.

Например, история со спасением молодым Кличовским зиггона из-под копыт могучего вепря. Прежде всего, почему представителя нечистой силы требуется физически спасти? Кроме того, сама роль зиггона остаётся непрояснённой. Если уж следовать законам жанра, спасённый должен стать чудесным помощником, исправля-

ющим ошибки героя и ведущим его к благу. Ничего подобного не происходит: зиггон предупреждает Клиховского о скорой смерти отца, но не помогает его спасти, предоставляя печальной истории обедневшего рода Клиховских развиваться по собственным ее законам. Не помогает он Клиховскому и овладеть Лигуэтом при второй, последней встрече. Напротив, задерживает его, тем самым оставляя род Каэтана проклятым на несколько столетий. Подобное странное для «волшебного помощника» поведение никак не объяснено, никакой философской базы за ним не кроется, хотя возможности подвести подобную базу сюжетный поворот предоставляет богатые.

Эскизной представляется и сцена битвы на мосту между призванной Сигельдой лесной нечистью и анастифонтами магистра Людвига. В отличие от похожих сцен сражений, обстановки странного, окутывающего персонажей мистического тумана, неразличимых переходов между реальностью и фантастикой, характерных для того же «Сердца Пармы» или «Тобола», в «Тенях...» мы сталкиваемся с голым перечислением: «Смутки! Живойты! Кадуки! Щугры! Йомы! Цирки! Все ко мне! ... А потом все в один голос завывало, затрещало, зарычало, захрустело, захрипело, сорвалось на истошный визг. Это языческая нечисть набросилась на рыцарей-тевтонов. Там, на мосту, грянуло сражение – мечи против когтей, зубов, рогов, копыт, клювов и чешуйчатых хвостов; бестрепетные мертвые воины против водяных чудищ, лесных тварей и болотного отродья» [Иванов, 2021б, с. 309, 311].

Впрочем, для формата аудиоромана сложнее писать наверное и не стоит. Сам Иванов отрекается от своего прежнего стиля, считая, что в новом произведении он приблизился чуть ли не к пушкинской простоте языка: «О главных вещах надо говорить просто. Простота и ясность – высшая целесообразность языка. Я всегда стремлюсь к этой простоте... надо писать соразмерно человеческому дыханию» [Иванов, 2021в]. Возможно, подобные рассуждения соответствуют формату аудиоромана, но как же быть с явно несообразной «человеческому дыханию» прозой Достоевского, Толстого, Андрея Белого и других русских гениев? Если уж текст претендует на разговор «о главных вещах», выходит и на бумаге, следовало бы отличать аристократическую простоту от средне-литературного языка современной массовой литературы.

Заключение. Подведём итоги: наша версия об экспериментальном характере «Теней тевто-

нов» как некоего упрощенного варианта текста, рассчитанного на аудиоформат, возможно, более понятный для массовой аудитории, лишенный фактически всех признаков блестящего стиля лучших произведений Иванова кроме, пожалуй, печальной развязки, скорее всего будет проверена следующими произведениями автора. Пока же мы имеем дело с произведением, однозначно лишенным философской глубины, метафоры и «тройного дна», стилистических нюансов и оригинальных находок, фокусирующим внимание читателя на захватывающем сюжете в ущерб психологической разработке характеров персонажей и другим признакам «высокой» литературы, то есть с продуктом массовой культуры.

Библиографический список

- Абашев В. В., Абашева М. П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 81–90.
- Абашев В. В., Фирсова А. В. Творчество Алексея Иванова как фактор развития внутреннего туризма в Пермском крае // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. 2013. № 3(23). С. 182–190.
- Беляков С. С. Географ и его боги. Алексей Иванов // Вопросы литературы. 2010. № 2. С. 8–22.
- Гончаров П. А., Гончаров, П. П. Много званых: мотив соблазна в романе А. В. Иванова «Тобол» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 2. С. 315–318.
- Зырянов А. И. Глобус, Парма и Тобол (о писателе Алексее Иванове как географе) // Географический вестник. 2017. № 3(42). С. 43–47.
- Иванов А. Золото бунта. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. 704 с.
- Иванов А. О замках и демонах в «Тенях тевтонов» // РИА новости : сайт. 2021. 27 февр. URL: <https://turbo.ria.ru/20210227/ivanov-1598701952.html> (дата обращения: 10.11.2021).
- Иванов А. Тени тевтонов. Москва : РИПОЛ классик, 2021. 384 с.
- Иванов А. Я никогда не пишу о жертвах. Все мои герои – победители // Storytel. URL: <https://blog-russia.storytel.com/knizhnye-novosti/aleksey-ivanov-ob-audioseriala-teni-tevtonov/> (дата обращения: 25.10.2021).
- Иванова И. Н., Сазонова А. С. Геопоэтика романа Алексея Иванова «Сердце Пармы» // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 184–188.
- Ковтун Е. Художественный вымысел в литературе XX века. Москва : «Высшая школа», 2008. 484 с.
- Колобаева Л. А. Русский исторический роман поновому: «Тобол» Алексея Иванова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 3. С. 376–389.

Колобаева Л. А. Слово и язык как проблема в романах Алексея Иванова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. №79(2). С. 13–18.

Куликова Д. Л. Апокалиптические мотивы в свете поэтики ужасного (на материале прозы А. В. Иванова) // Филология: научные исследования. 2020. № 12. С. 156–167.

Куликова Д. Л. Вампиры А. В. Иванова в свете готической традиции русской литературы // Litera. 2021. № 6. С. 98–107.

Куликова Д. Л. Композиционная логика хоррора (А. В. Иванов «Комьюнити», «Псоглавцы», «Пищевые» // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2021. Т. 53. № 2. С. 116–121.

Куликова Д. Л. Литературная кинематографичность в романе «Пищевые» Алексея Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Издательство Грамота (Тамбов). 2020. Т. 13. № 12. С. 340–344.

Куликова Д. Л. Мифопоэтика пространства кладбища в хорроре (на материале современной русской литературы) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13. № 3. С. 86–93.

Куликова Д. Л. «Страшный Петр»: демонизация образа власти как элемент поэтики ужасного (А. В. Иванов «Тобол») // Филология и культура. 2020. Т. 60. № 2. С. 193–198.

Лобин А. М. Эволюция историзма в романе Алексея Иванова «Сердце Пармы» // Вестник Вятского государственного университета. 2012. Т. 2. №1. С. 119–125.

Погорелая Е. А. «Тобол» vs «Игра престолов». Когнитивная метафорика современного исторического романа // Вопросы литературы. 2019. №6. С. 34–49.

Савенкова Л. Б. Коммуникативное поведение персонажей как отражение их ценностных приоритетов в романе А. Иванова «Географ глобус пропил» // Филология и культура. 2017. № 4 (50). С. 74–78.

Сироткина Т. А. Этнические образы народов Сибири в романе Алексея Иванова «Тобол» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. № 4. С. 70–78.

Сысоева О. А. Жанровая специфика романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил» // Филологические науки: вопросы теории и практики. Издательство Грамота (Тамбов). 2014. № 2 (32): в 2 ч. Ч. II. С. 184–186.

Токарева А. Алексей Иванов ответил на вопросы о своей новой книге // Российская газета : сайт. 2021. 27 марта. URL: <https://rg.ru/turbopages.org/rg.ru/s/2021/03/27/aleksej-ivanov-otvetil-na-voprosy-o-svoej-novoj-knige.html> (дата обращения: 01.11.2021).

Хрящева Н. П., Когут К. С. Гетеротопия Чумы в романе А. В. Иванова «Комьюнити» // Филологический класс. 2013. №3 (33). С. 33–40.

Юзефович Г. Алексей Иванов. Тени тевтонов. Москва: Storytel // Медуза : сайт. 2021. 30 января. URL: <https://meduza.io/feature/2021/01/30/teni-tevtonov-alekseja-ivanova-dva-geroya-iz-raznyh-vekov-ohotyatsya-za-proklyatym-mechom-satany> (дата обращения: 10.11.2021).

Reference list

Abashev V. V., Abasheva M. P. Pojezija prostranstva v proze Alekseja Ivanova = Poetry of space in Alexey Ivanov's prose // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2010. № 2. S. 81–90.

Abashev V. V., Firsova A. V. Tvorchestvo Alekseja Ivanova kak faktor razvitiya vnutrennego turizma v Permskom krae = Alexey Ivanov's work as a factor in the development of internal tourism in the Perm region // Vestnik Permskogo universiteta: Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2013. № 3(23). S. 182–190.

Beljakov S. S. Geograf i ego bogi. Aleksej Ivanov = The geographer and his gods. Alexey Ivanov // Voprosy literatury. 2010. № 2. S. 8–22.

Goncharov P. A., Goncharov, P. P. Mnogo zvanyh: motiv soblazna v romane A. V. Ivanova «Tobol» = Many invited: the motif of temptation in A. V. Ivanov's novel Tobol // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. № 2. S. 315–318.

Zyrjanov A. I. Globus, Parma i Tobol (o pisatele Alekseje Ivanove kak geografe) = The globe, Parma and Tobol (about the writer Alexey Ivanov as a geographer) // Geograficheskij vestnik. 2017. № 3(42). S. 43–47.

Ivanov A. Zoloto bunta = Riot Gold. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2005. 704 s.

Ivanov A. O zamkah i demonah v «Tenjah tevtonov» = About castles and demons in Shadows of the Teutons // RIA novosti : sajt. 2021. 27 fevr. URL: <https://turbo.ria.ru/20210227/ivanov-1598701952.html> (data obrashhenija: 10.11.2021).

Ivanov A. Teni tevtonov = Shadows of the Teutons. Moskva : RIPOL klassik, 2021. 384 s.

Ivanov A. Ja nikogda ne pishu o zhertvah. Vse moi geroi – pobediteli = I never write about victims. All my characters are winners // Storytel. URL: <https://blog-russia.storytel.com/knizhnye-novosti/aleksej-ivanov-ob-audioserie-teni-tevtonov/> (data obrashhenija: 25.10.2021).

Ivanova I. N., Sazonova A. S. Geopojetika romana Alekseja Ivanova «Serdce Parmy» = Geopoetics in Alexey Ivanov's novel «Heart of Parma» // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2017. № 3. S. 184–188.

Kovtun E. Hudozhestvennyj vymysel v literature HH veka = Literary fiction in XX century literature. Moskva : «Vysshaja shkola», 2008. 484 s.

Kolobaeva L. A. Russkij istoricheskij roman ponovomu: «Tobol» Alekseja Ivanova = The Russian historical novel in a new way: «Tobol» by Alexei Ivanov // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2019. Т. 24. № 3. S. 376–389.

Kolobaeva L. A. Slovo i jazyk kak problema v romanah Alekseja Ivanova = Word and language as a problem in Alexei Ivanov's novels // Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. 2020. №79(2). S. 13–18.

Kulikova D. L. Apokalipticheskie motivy v svete pojetiki uzhasnogo (na materiale prozy A. V. Ivanova) = Apocalyptic motifs in terms of the poetics of the terrible (based on the prose of A. V. Ivanov) // Filologija: nauchnye issledovanija. 2020. № 12. C. 156–167.

Kulikova D. L. Vampiry A. V. Ivanova v svete goticheskoy tradicii russkoj literatury = A. V. Ivanov's vampires in terms of the gothic tradition in Russian literature // Literatura. 2021. № 6. C. 98–107.

Kulikova D. L. Kompozicionnaja logika horra (A. V. Ivanov «Kom'juniti», «Psoglavcy», «Pishheblok») = Compositional logic of horror (A.V. Ivanov. Community, Dogheads, Food Unit) // Vestnik Akademii nauk Chenchenskoy Respubliki. 2021. T. 53. № 2. C. 116–121.

Kulikova D. L. Literaturnaja kinematografichnost' v romane «Pishheblok» Alekseja Ivanova = Literary cinematic nature of Alexei Ivanov's novel Food Unit // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Izdatel'stvo Gramota (Tambov). 2020. T. 13. № 12. C. 340–344.

Kulikova D. L. Mifopojetika prostranstva kladbishha v horrore (na materiale sovremennoj russkoj literatury) = Mythopoeitics of the cemetery space in horror (on the material of modern Russian literature) // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2021. T. 13. № 3. S. 86–93.

Kulikova D. L. «Strashnyj Petr»: demonizacija obraza vlasti kak jelement pojetiki uzhasnogo (A. V. Ivanov «Tobol») = «Dreadful Peter»: demonization of power as an element of the poetics of the terrible (A. V. Ivanov «Tobol») // Filologija i kul'tura. 2020. T. 60. № 2. S. 193–198.

Lobin A. M. Jevoljucija istorizma v romane Alekseja Ivanova «Serdce Parmy» = Evolution of historicism in Alexei Ivanov's novel The Heart of Parma // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. T. 2. №1. S. 119–125.

Pogorelaja E. A. «Tobol» vs «Igra prestolov». Kognitivnaja metaforika sovremennogo istoricheskogo romana = Tobol vs The Game of Thrones. Cognitive metaphors in contemporary historic novels // Voprosy literatury. 2019. №6. S. 34–49.

Savenkova L. B. Kommunikativnoe povedenie personazhej kak otrazhenieih cennostnyh prioritetov v romane A. Ivanova «Geograf globus propil» = The characters' communicative behavior as a reflection of their value priorities in A. Ivanov's novel The Geographer Drank his Globe Away // Filologija i kul'tura. 2017. № 4 (50). S. 74–78.

Sirotkina T. A. Jetnicheskie obrazy narodov Sibiri v romane Alekseja Ivanova «Tobol» = Peoples' of Siberia ethnic images in Alexei Ivanov's novel Tobol // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2018. T. 10. № 4. S. 70–78.

Sysoeva O. A. Zhanrovaja specifika romana Alekseja Ivanova «Geograf globus propil» = Genre specifics in A. Ivanov's novel The Geographer Drank his Globe Away // Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki. Izdatel'stvo Gramota (Tambov). 2014. № 2 (32): v 2 ch. Ch. II. C. 184–186.

Tokareva A. Aleksej Ivanov otvetil na voprosy o svoej novoj knige = Alexei Ivanov answered some questions about his new book // Rossijskaja gazeta : saj. 2021. 27 marta. URL: <https://rg.ru/turbopages.org/rg.ru/s/2021/03/27/aleksej-ivanov-otvetil-na-voprosy-o-svoej-novoj-knige.html> (data obrashhenija: 01.11.2021).

Hrjashheva N. P., Kogut K. S. Geterotopija Chumy v romane A. V. Ivanova «Kom'juniti» = Heterotopia of the Plague in A. V. Ivanov's novel «Community» // Filologicheskij klass. 2013. №3 (33). S. 33–40.

Juzefovich G. Aleksej Ivanov. Teni tevtonov = Alexei Ivanov. Shadows of the Teutons. Moskva : Storytel // Meduza. 2021. 30 janvarja. URL: <https://meduza.io/feature/2021/01/30/teni-tevtonov-alekseja-ivanova-dva-geroya-iz-raznyh-vekov-ohotyatsya-za-proklyatym-mechom-satany> (data obrashhenija: 10.11.2021).

Статья поступила в редакцию 13.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted on 13.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.